

ЭНДИ КВОРРИ

ЖЕНЩИНА В ДОМЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Энди Кворри

Женщина в доме

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65891491

SelfPub; 2021

Аннотация

Главный герой рассуждает о женской природе. Ему приходит на ум, женщину следует воспринимать, как водопад.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Энди Кворри

Женщина в доме

(философско-юмористический рассказ)

В какой-то момент своей жизни Альберт Моисеевич Хохлопский понял, что он соскучился по женщине. Не в том смысле, чтобы съездить на Тверскую или в Химки, но Альберт Моисеевич соскучился по женщине, которая находилась бы в его доме постоянно. Зачем нужна женщина в доме, Хохлопский ещё не мог объяснить даже себе самому. Является ли женщина в доме просто весьма удачным дополнением интерьера или же чем-то вроде многофункционального устройства, играющего на самых тонких и сокровенных человеческих чувствах – чем-то вроде японского Тамагочи, – ему оставалось совершенно непонятно. Однако он интуитивно чувствовал, что в любом случае женщина в доме – нечто большее, чем просто ещё одна половая щель.

Возможно, что Хохлопского на все эти размышления навели постоянные звуки из соседской квартиры: звон падающей посуды, стук опрокидываемой мебели, быстрый топот чьих-то маленьких ножек, и раздражённые женские окрики и взвизгивания, чаще возмущённые, порою восторженные... Хохлопский обнаруживал, что за всем этим действием природных сил, царящих в соседской квартире, ему интересно

следить с той же сосредоточенной расслабленностью, как, к примеру, за плеском и гулом падающей воды. «Вот ведь, дура-дурой», – думал Альберт Моисеевич о соседке, – «но зато как интересно наблюдать за всей этой её безумной и неустанной вознёй. Кино, да и только. Уж точно, никакая там рыбка в аквариуме в своих бесчисленных и бессмысленных водных пируэтах не сможет создать столь же причудливые сценические картины, как это удаётся делать женщине. Да и кошке с собакой тоже весьма далеко до всего этого чисто женского сумасбродства... Но, следует отметить, что женские достоинства вовсе не исчерпываются всеми этими сумасбродными праздничными мероприятиями по случаю торжества жизненных сил природы. Будучи настроенной должным образом, женщина способна достаточно эффективно выполнять функции повара, посудомойки, уборщицы, прачки, няни ваших детей и даже, как это явствует из истории недавно ушедшего века, может класть шпалы, лить бетон, варить сталь... Способности правильно настроенной женщины, должно быть, столь же неисчерпаемы, как и атом...»

В таких вот размышлениях пребывал Альберт Моисеевич, когда к нему по электронной почте пришёл ответ от его давнего институтского товарища. Товарищ писал:

*«Альберт,
доброе времени суток,*

Ниже маленькая стихи-о-метрия.

*Фильмы я не смотрю – под откос!
Нагнетаю невинность в моторчик,
Избегаю ложбинок и кочек
И давно не целуюсь взасос.
Встрече нашей я жажду помочь,
За возможность прошу опозданье.
Лозунги все и формальности – прочь!
Радикальные струны восстанья
Не волнуют нейтральную кровь,
Я евреев прошу, перестаньте;
И татарам загладить готов,
Ибо всем верховодит любовь.
Сотрясая основы основ,
Я ищу бытия пониманье,
В размышленьях не спал эту ночь.*

Всего тебе самого-самого доброго

Антон»

С этим своим товарищем Хохлопский познакомился, лет пятнадцать назад, сразу по возвращении со срочной службы, и, может быть, лишь потому и познакомился, что к Антону ушла первая невеста Хохлопского, пока сам Хохлопский служил положенные два года в рядах Советской армии, оказавшись там по злопамятному горбачёвскому призыву. Антон тоже попал под тот призыв, но на полгода раньше Аль-

берта – на полгода раньше и возвратился... «Но вот ведь перегиб и парадокс», – вспомнились Альберту Моисеевичу слова одной из песен Владимира Высоцкого. – «Мы-то с Антошей до сих пор остались приятелями, и, возможно, даже друзьями, а наша общая невеста прошла затем ещё два-три десятка мужиков и теперь живёт в весьма престижном доме где-то на Старом Арбате...»

Похожая история затем произошла у Хохлопского и с супругой: всё было просто замечательно до тех пор, пока супруга материально зависела от Хохлопского. Однако как только родители супруги выехали в Штаты, отношения между Хохлопским и его супругой резко ухудшились, и, по сути, супруга променяла Хохлопского на ежемесячные триста баксов, которые ей гарантировали её родители в случае немедленного развода. Всё последующее свершилось достаточно быстро, супруге Хохлопского потребовалось не более полу-года, чтобы прекраснейшим образом уладить все противоречия в собственных чувствах, в собственных мыслях и в требованиях внешней морали. Пытаясь сохранять хорошую мину при плохой игре, супруга Хохлопского патетично вещала Хохлопскому: «У нас с тобою никогда не было любви, у нас с тобою была просто страсть», – а в своём бракоразводном иске с чисто женской нелогичностью она записала: *«Прошу суд не назначать срока для примирения с ответчиком, поскольку я уже полгода живу с другим человеком, с которым хочу создать после расторжения брака с ответчиком новую*

*семью, т.к. он любит не только меня, но и мою дочь. Ответственность за распад семьи прошу возложить на от-
ветчика».* Когда же Альберт Моисеевич попытался в новой ситуации наладить привычное общение с дочерью – сначала просто по-человечески договориться, а затем через суд, то родня супруги развернула против Хохлопского широко-масштабную травлю, начиная с разнообразнейших инсценировок и попыток подкупа чиновников и закончив подсылom «братков» для разборок и попытками отравления Хохлопского.

Если обратиться к «многовековому опыту всего человеческого», то легко обнаруживается, что нет ничего необычного в тех неприятных историях, в каких оказывался время от времени Хохлопский, и, более того, истории эти являются самыми что ни на есть банальными и заурядными. Вспомнить хотя бы обстоятельства Троянской войны, начатой из-за неверности Елены её мужу Менелаю: Елена последовала за Парисом, сыном фригийского царя, в чужую страну. Или вот другая классическая древняя история: Клитемнестра, супруга Агамемнона, позволила совратить себя Эгисфу во время многолетней разлуки с мужем и затем с помощью любовника, после притворно страстного приёма возвратившегося Агамемнона, зарезала его в ванне, «как быка в стойле». Или совсем недавние современные разборки между Мельнико-

вой и Паппе, кончившиеся резнёй в телестудии Останкино.¹

Альберту Моисеевичу вспомнился один «английский» анекдот. Джентльмен интересуется у своего слуги, что там за шум на улице, на что слуга объясняет, что это проходит забастовка лондонских проституток, требующих повышения оплаты своего труда. «А им что же, разве мало платят?» – интересуется джентльмен. «Хорошо им платят, сэр», – отвечает слуга. «Так чего же они тогда бастуют?» – удивляется джентльмен. «Б**ди, сэр», – поясняет слуга.

Конечно же, мужчины, обладая более организованной и устойчивой психикой, с древних времён пытались как-то управлять этим разгулом стихии. Закон Солона гласил: «Брак не должен быть каким-то доходным предприятием или куплей-продажей; сожителство мужа с женой должно иметь целью рождение детей, радость, любовь» (Плутарх. Солон, 20). Платон выдвигал такое же требование. Тем не менее, этот закон, как и множество других, видимо, существовал, что называется, лишь на бумаге. И с тех пор, похоже, мало что изменилось в человеческом бытие. Вчера на одном интернетовском форуме Хохлопский наткнулся на интересную дискуссию на всё ту же тему природы межполовых взаимоотношений. Некто Nemez писал: «Хочется, что-

¹ В начале «нулевых» в СМИ бурно обсуждался инцидент, в ходе которого в туалете телестудии Останкино получил тяжёлое ножевое ранение человек, которого указывали как жениха телеведущей, от человека, которого указывали как любовника этой же телеведущей. Лет через пять все сообщения таинственным образом исчезли с интернет ресурсов этих СМИ.

бы твоя избранница тебя искренне любила. И притом как человека, а не как кошелёк с ушами...» На что некто Triarian отвечал ему: «Искренне любить будут кошелёк с ушами и никак иначе».

Хохлопский написал Антону ответ:

«Мне почему-то тоже последние ночи не спится. Может это весна? Нет, ну брось, ну, какая там любовь – ведь мы же с тобой, как медико-биологи, прекрасно понимаем, что это всего лишь какая-то глупая игра гормональных циклов.

Буду ждать. До встречи.

Альберт»

Отправив письмо, Альберт Моисеевич вернулся к своим размышлениям. «Конечно же, попытки построить какую-то стройную теорию обобщённой женщины – занятие весьма малоперспективное и дорогостоящее, да и, пожалуй, принципиально невозможное», – думал Альберт Моисеевич. – «Ещё ведь Колмогоров указывал, что невозможно создать при помощи некоторого устройства **A** достаточно точную модель другого устройства **B**, если число возможных состояний устройства **B** значительно превышает число возможных состояний устройства **A**. А из этого автоматически следует, что, поскольку число возможных состояний у мужчины и у женщины примерно одинаковое (хотя набор состояний весьма разный), то построить в мужском мозге реалистичный об-

раз женщины возможно лишь единственным образом: превратив мужчину в женщину. Однако ведь в этом случае понимание устройством **А** устройства **Б** ничуть не увеличится, ибо в устройстве **А** не останется состояний, не занятых моделью устройства **Б**, т. е. некому будет понимать». Ситуация выглядела тупиковой. С одной стороны, Альберт Моисеевич какими-то там состояниями собственного устройства чувствовал, что понимать-то особенно ничего и не нужно – точно так же, как нет смысла понимать, почему завораживает вид и плеск падающей воды, – однако с другой-то стороны...

Вот попробуй-ка кто-нибудь, например, немку угостить мороженым... Пршлым летом Альберт Моисеевич – совершенно без каких-либо задних мыслей, а просто «на память» – попробовал на закрытие конференции в Дрездене подарить девушке из оргкомитета полукилограммовую пачку московского печенья «Забавные зверюшки». Ой, как она вся напряглась и перепугалась, несмотря на разъяснения, которыми Хохлопский на ломанном английском пытался сопроводить свой подарок. Попытки Хохлопского в шутливой манере объяснить этой девушке из оргкомитета, что некоторые русские очень похожи на эти печенюшки – такие же curious creatures – ситуацию мало прояснили, судя по реакции девушки. “What is the matter for?” – всё допытывалась немка, и позволила себе улыбнуться лишь, когда Хохлоп-

ский решительно помахал ей на прощание рукой и зашагал прочь. А вот с жителями постсоветского пространства никаких бы проблем в подобной ситуации не возникло бы: постсоветские женщины настолько приучены к разнообразным шоколадкам, печенюшкам, цветочкам и прочим знакам мужского внимания, что давно уже воспринимают все эти как некую неизбежную тяготу своей женской судьбы. Наверное, примерно так же домашние кошки воспринимают ежедневную порцию молока в своём блюде: «Ну, и где там эти двуногие недотёпы? Долго их ещё ждать? Или, может быть, сегодня молоко отменяется?!»

Или вот, на одном с Хохлопским курсе учились словачки – с ними постоянно возникали какие-то недоразумения. Например, весьма болезненно реагировали, когда кто-либо из одноклассников предлагал руку при выходе с автобуса или предлагал поднести тяжёлый портфель. Хохлопский помнил, как однажды одна из тех словачек в вагоне метро вцепилась своей лучшей русской подруге роскошную пощёчину – только за то, что та ухватилась за её локоть, падая при резком торможении поезда. Объяснение было весьма прозаичным: «У нас», – грит, – «так себя ведут только "розовые" ...» Водить их в кинотеатр тоже было весьма проблематично. Со своими словацкими парнями они оплачивали походы в кинотеатр в лучшем случае за обоих через раз по очереди, а то и просто всегда каждый за себя. Как-то с одной из тех словачек, – с которой Хохлопский был в достаточно хороших

отношениях, в одной группе учились, в паре делали лабораторки по физике и химии, – Альберт случайно столкнулся на Ленинском проспекте Москвы недалеко от Черёмушкинского рынка. Дело было весной, и Альберту захотелось угостить свою хорошую знакомую привозной клубникой. Купил на рынке кулёк. Съели. Вы думаете, тем и кончилось? Не, словачка вытребовала из Хохлопского, сколько тот купил той клубники, и купила затем тут же сама ещё один кулёк, точно такой же по весу. Снова ели.

«Интересно», – подумалось Альберту Моисеевичу, – «а вот европейские женщины тоже производят столько же бессмысленного шума, как и их постсоветские аналоги? Вроде бы должно быть так, поскольку законы природы во всём мире одинаковые. Ведь едва ли разумно предполагать, что в европейский водопад заворачивает меньше, чем, скажем, российский».

Альберт Моисеевич вспомнил некогда встреченный им на просторах Интернета рассказ некой юной особы, решившей свои зачаточные творческие способности опробовать вроде как на адвокатском поприще: тот рассказ, подписанный именем или псевдонимом Мария Кондратова², назывался «В за-

² Мария Сергеевна Кондратова – российская поэтесса, писательница и научный работник, родом из Украины. Очерк «В защиту женского кокетства» опубликован в журнала «Русский переплёт» в начале «нулевых».

щиту женского кокетства». В нём Мария приводила следующие доводы, которые, по её мнению, оправдывают женское племя: «Настоящая кокетка увлекает потому, что не может не увлечь. Мужчины, толпящиеся вокруг, ей не нужны, они не помогают, скорее наоборот – мешают, как мешает художнику нагромождение холстов в мастерской. Ещё одна победа ничего не изменяет, как ничего не изменяет ещё одно полотно. Но она не может удержаться. Это чистое искусство ради искусства. Высокая игра. (...) И ещё, забудьте, пожалуйста, о кокетках, разбивающих сердца. Это миф. Каждый человек – сам кузнец своего несчастья. Вас могут влюбить. Но влюбиться – вовсе не означает разбить сердце. Оно разобьётся лишь тогда, когда Вы начнёте требовать от любви выполнения обязательств, которые она на себя не брала, и обещаний, которых она не давала. Вы разобьёте его сами, если увидите в лёгком облачке флирта фундамент и основание своей судьбы. Если Вы будете достаточно глупы и, вместо того чтобы чертить на песке письма, постройте на нём дом – ваше сердце разобьётся. Но при чём здесь женское кокетство?»

«Вот так, вот такое вот мнение, значит...» – подумал Альберт Моисеевич. – «Интересно было бы поглядеть поближе на эту самую Кондратову. Судя по её многочисленным Интернет-публикациям, эта девица со смазливym личиком знает толк в том, о чём она пишет. Наверняка, кокетка ещё та, и кружит головы мужикам направо и налево». Альберту Моисеевичу вспомнились слова одной из многочисленных авто-

биографий, разбросанных Кондратовой по Интернету: «Родители утверждают, что первыми моими словами были "вино" и "мальчики", и с каждым годом это всё более становится похожим на правду».

«Но с другой стороны, то, что написано Марией Кондратовой (видимо, в защиту собственного же кокетства), вовсе не лишено смысла. Особенно если женщину рассматривать именно в том ключе, в котором я начинал сегодня поутру, т. е. как некую природную силу, стихию, не подвластную прямому влиянию разума». – Альберт Моисеевич выглянул в окно и понял, что в комнате стало темно лишь оттого, что наступил вечер. – «Да, вот именно такую, которая темнеет, когда сама того захочет, ничуть не соотносясь с желаниями и планами людей». Хохлопский встал, подошёл к стене, дёрнул за верёвку выключателя, и в комнате снова стало светло. «Вот взять для примера хоть тот же водопад, завораживающий и манящий – увлекающий, если хотите. Конечно же, глазеть целыми днями на водопад – увлечение ещё то. Я бы сказал, очень даже пагубное увлечение. Но если это увлечение контролировать разумом, то жизнь рядом с водопадом может стать очень даже приятной: ну там каждый день по полчаса уделить любованию водопадом, получил заряд бодрости – и затем можно спокойно заниматься делами серьёзными или пойти общаться с друзьями. Воде-то что, она как кокетничала, так и будет, независимо от того, толпятся ли возле неё восхищённые зрители или нет. Даже, напро-

тив, в отсутствие зрителей падающая вода будет кокетничать значительно свободнее, поскольку толпящиеся вокруг зрители ей не нужны, они не помогают, скорее наоборот – мешают, как мешает художнику нагромождение холстов в мастерской... Вот ведь только вся проблема в том, чтобы создать для воды достаточно удобное и прочное русло, дабы вода не свернула куда-нибудь на сторону и не ушла в землю. Да... управлять стихией – это искусство. Ну, ещё и деньги, разумеется».

Хохлопский представил себя эдаким денежным мешком с ушами, валяющимся возле водопада, наслаждающимся плеском и гулом падающей воды, и усмехнулся этому зрелищу. За окном уже совершенно стемнело. Стихия самовыражалась, и Хохлопский осознавал, что, видимо, всё же это ему придётся подстраивать свои циклы под капризы стихии, а не наоборот. Однако... Однако и он, Альберт Моисеевич Хохлопский тоже умеет самовыражаться!

Тщательно кутаясь в тёплое одеяло и поудобнее зарываясь головой в подушки, Альберт Моисеевич Хохлопский твёрдо решил, что завтра же пригласит к себе ландшафтного дизайнера.

8 мая 2006 года, Пуцино

Признательности

Обложка изготовлена Автором с использованием фотографии с pxfuel.com.

Для иллюстрации на 1-й странице использована репродукция находящейся в общественном достоянии работы «Мечтательность» (Reverie) французской художницы Джейн Атче (Jane Atche, 1872—1937).